

Александра Ильф

Две книги с посвящениями

Международный литературный фестиваль – 2013 великолепно развернулся под сияющим небом майской Одессы. Обширная программа фестиваля включала тему с юмористическим названием «Три толстяка на двенадцати стульях» – к 85-летию выхода в свет «Трех толстяков» Юрия Олеши и «Двенадцати стульев» Ильи Ильфа и Евгения Петрова. (В детстве я с восторгом читала первое издание «Толстяков», подаренное автором Ильфу, моему отцу.) Я рада, что это событие, отмечаемое именно в Одессе, подарило мне возможность высказать свои необязательные мысли по этому поводу.

Сам факт появления произведений Олеши и Ильфа-Петрова в 1928 году можно, конечно, назвать совпадением или случайностью. Но мало ли таких совпадений! Причины, вызвавшие их одновременное появление, не имеют ничего общего. *Но если говорить не о точной дате, а о второй половине 1920-х годов, то некая причина вырисовывается: обосновавшись в Москве, одесситы уверенно завоевывали место под солнцем новой литературы. В 1926 году появились «Растратчики» Валентина Катаева, «Конармия» Исаака Бабеля, «Дума про Опанаса» Эдуарда Багрицкого, в 1927-м – «Зависть» Юрия Олеши, в 1928-м – «Двенадцать стульев» Ильи Ильфа и Евгения Петрова, «Три толстяка» Олеши.*

Возвращаясь же к интересующему нас году, можно вспомнить, что сказка Олеши была написана в 1924 году, но вышла в свет лишь на исходе 1928-го, в то время как Ильф и Петров приступили к роману «12 стульев» осенью 1927 года и «в ударном порядке» закончили его к январю следующего. Олеша погружает читателя

в сказочный мир – соавторы пишут сатирический «роман-хронику». Тем не менее в этих нерифмуемых действиях просматривается нечто, что хотелось бы, по примеру Арамиса из «Трех мушкетеров», назвать «семейным делом», над которым (не сказать, чтобы незримо) витает образ Валентина Петровича Катаева.

Молодые Валентин Катаев, Юрий Олеша, Илья Ильф свели знакомство еще в одесские времена, Евгений Петров – младший брат Катаева. 1923-й год застаёт их в Москве. Катаев, уже известный, «маститый» литератор, берет под свое крыло и Олешу, и Ильфа, пристраивает их в газету «Гудок», дает кров в Мыльниковом переулке на Чистых прудах.

Вспоминает один из общих друзей, Сергей Токаревич:

«В двадцатых годах две комнаты Валентина Петровича в Мыльниковом переулке были как бы стартовой площадкой для всех выходцев из так называемой «южнорусской литературной школы». Бессмысленно их перечислять. Здесь у первого «землепроходца» Валентина Катаева, открывшего для них Москву, все они находили и радушный прием, и товарищеский совет, и помощь в устройстве на работу в московских редакциях. Того, кого он знал, кому верил, Валентин Петрович рекомендовал смело, не задумываясь. Совсем зеленой молодежи этот двадцатипятилетний мэтр говорил:

– Каждый интеллигентный человек может писать. И не только может, но и должен. Пробуйте, дерзайте.

В комнате-«пенале» рождался не только первый рассказ Евгения Петрова, но и многие главы «Трех толстяков» Юрия Олеша. В большой комнате шли самые жестокие и нелицеприятные споры по поводу первых произведений «дерзающих». Для них Валентин Петрович был не только непререкаемым мэтром... и «Дюма-пэром», способным пройти «рукой мастера» по рукописи неопита, но и, прежде всего, старшим товарищем и добрым другом».

Как возник замысел сказки, которую Олеша называет «детским романом»? Компания молодых людей во главе с Катаевым забавлялась тогда большой куклой, которую на первый взгляд невозможно было отличить от годовалого ребенка. Тут-то и случилось знакомство Олеша с Валентиной Грюнзайд – 14-летней девочкой из того же Мыльникова переулка. Чтобы завоевать сердце юного создания, писатель-романтик обещает написать

и посвятить Валечке «блистательную книгу-сказку». Начинается работа над «Тремя толстяками»:

«Я писал их совсем юным – то в маленькой комнате при типографии «Гудка», где жил с таким же юным Ильфом, то у Катаева в узкой комнате на Мыльниковом, то в «Гудке» в промежутке между фельетонами. В комнате при типографии, которая была крохотная – один пол! – я и писал, лежа на полу... Я писал, пользуясь типографским рулоном – несколько, правда, отощавшим, но все же целым бочонком бумаги. Он накатывался на меня, я придерживал его рукой... Другой рукой писал.

Это было весело, и тем, что мне весело, я делился с веселым Ильфом».

Четыре года спустя книга выходит в свет с обещанным посвящением. Наконец-то Юрий Карлович вправе рассчитывать на внимание и даже на любовь. Увы, он опоздал: по его собственным словам, «она выросла и вышла замуж за другого».

За кого же? Валечка составила счастье младшего брата Катаева – Евгения, известного нам под псевдонимом Петров.

Видите, как все переплелось?

Валентин Катаев нежно любил своего «братика», вытребовал его в Москву из голодной Одессы, опекал, заставил заняться журналистикой, ввел в литературу. Осенью 1927 года бурлящий идеями «Дюма-пэр» подбрасывает Ильфу и Петрову тему – написать роман о поисках бриллиантов, во время революции спрятанных в одном из двенадцати стульев. Мэтр требует от «брата и друга», чтобы они в знак благодарности посвятили ему будущую книгу. Его требование выполнено: по сей день изданный в июле 1928 года роман «Двенадцать стульев» несет на титульном листе посвящение Валентину Петровичу Катаеву. Если бы не он, кто знает, родился бы, если взять определение Набокова, этот «двуединный гений» – Ильф-и-Петров.

В 1920-е годы наши герои тесно связаны. Они вместе работают, вместе развлекаются, вместе наблюдают жизнь. Ильф и Олеша делят убогое жилье и в гудковском общежитии, и в Сретенском переулке, к ним часто заходит Катаев. Вернувшись из армии, Петров живет то у брата в Мыльниковом переулке, то у Олеси – в Сретенском, где за одной стеной – Ильф, а за другой – «слесарь»

интеллигент» Колодин, прототип Виктора Михайловича Полесова из «Двенадцати стульев». По семейной легенде, именно Олеша познакомил Евгения с Валечкой, превратившейся в очаровательную девушку. Петров начинает бешено ухаживать за ней, и в апреле 1929 года они женятся.

Видите, как все переплелось?

В результате «король метафор», создатель прогремевшего романа «Зависть» и чудесной сказки «Три толстяка» остается решительно ни при чем. Девушка, равнодушная к литературному успеху давнего поклонника, выходит замуж за всем известного автора всем известного романа. В конце концов, можно понять, что простодушная Валечка предпочла молодого веселого Петрова мрачному, почти демоническому Олеше. Да, она прошумела мимо Юрия Карловича (без этой цитаты никак не обойтись!), «как ветвь, полная цветов и листьев».

Но осталась прекрасная книга прекрасного писателя.

Всегда любопытно узнать подробности из уст очевидцев. Друзья-литераторы каждый по-своему рассказывают романтическую историю с участием Юрия Олеша, Валечки Грюнзайд и куклы. Тут, как говорится, возможны варианты.

История, изложенная Валентином Катаевым

«Моя комната была проходным двором. В ней всегда, кроме нас с ключиком [*Юрием Олешей*], временно жило множество наших приезжих друзей. Некоторое время жил с нами вечно бездомный и неустроенный художник [*Михаил Файнзильберг*], брат друга [*Ильфа*], прозванный за цвет волос рыжим. Друг говорил про него, что когда он идет по улице своей нервной походкой и размахивает руками, то он похож на манифестацию. <...>

Так вот этот самый рыжий художник откуда-то достал куклу, изображающую годовалого ребенка, вылепленную совершенно реалистически из папье-маше и одетую в короткое розовое платьице.

Кукла была настолько художественно выполнена, что в двух шагах ее нельзя было отличить от живого ребенка.

Наша комната находилась в первом этаже, и мы часто забавлялись тем, что, открыв окно, сажали нашего годовалого ребенка на подоконник и, дождавшись, когда в переулке появлялся прохожий, делали такое движение, будто наш ребенок вываливается из окна.

Раздавался отчаянный крик прохожего, что и требовалось доказать.

Скоро слава о чудесной кукле распространилась по всему району Чистых прудов. К нашему окну стали подходить любопытные, прося показать искусственного ребенка.

Однажды, когда ключик сидел на подоконнике, к нему подошли две девочки из нашего переулка – уже не девочки, но еще и не девушки, то, что покойный Набоков назвал «нимфетки», и одна из них сказала, еще несколько по-детски шепелявя:

– Покажите нам куклу.

Ключик посмотрел на девочку, и ему показалось, что это то самое, что он так мучительно искал. <...>

Тут же, не сходя с места, ключик во всеуслышание поклялся, что напишет блистательную детскую книгу-сказку, красивую, роскошно изданную, в коленкоровом переплете, с цветными картинками, а на титульном листе будет напечатано, что книга посвящается...

Он спросил у девочки имя, отчество и фамилию; она добросовестно их сообщила, но, кажется, клятва ключика на нее не произвела особенного впечатления. У нее не была настолько развита фантазия, чтобы представить свое имя напечатанным на роскошной подарочной книге знаменитого писателя. Ведь он совсем еще не был знаменитость, а всего лишь, с ее точки зрения, немолодой симпатичный сосед по переулку, не больше.

Он стал за ней ухаживать как некий добрый дядя, что выразилось в потоке метафорических комплиментов, остроумных замечаний, которые пропадали даром, так как их не могла оценить скромная чистопрудная девочка, едва вышедшая из школьного возраста. <...>

Одним словом, роман не получился: слишком велика была разница лет и интеллекта. Но обещанную книгу ключик стал писать, рассчитывая, что пока он ее напишет, пока ее примут

в издательстве, пока художник изготовит иллюстрации, пока книга выйдет в свет, пройдет года два или три, а к тому времени девочка созреет, поймет, что он гений...

Большая часть расчетов ключика оправдалась. Он написал нарядную сказку с участием девочки-куклы; ее иллюстрировал... один из лучших графиков дореволюционной России, Добужинский, на титульном листе четким шрифтом было отпечатано посвящение, однако девичья фамилия девочки, превратившейся за это время в прелестную девушку, изменилась на фамилию моего младшего брата, приехавшего из провинции и успевшего прижиться в Москве, в том же Мыльниковом переулке.

Он сразу же влюбился в хорошенькую соседку, но не стал ее обольщать словесной шелухой, а начал за ней ухаживать по всем правилам, как заправский жених, имеющий серьезные намерения: он водил ее в театры, рестораны, кафе «Битые сливки» на Петровке... – очень модное место в Москве, – провожал на извозчике домой, дарил цветы и шоколадные наборы, так что вскоре в моей комнате в Мыльниковом переулке шумно сыграли их свадьбу, на которой ключик, несмотря на то, что изрядно выпил, вел себя вполне корректно, хотя и сделал робкую попытку наскандалить, после чего счастливые молодожены поселились в небольшой квартирке, которую предусмотрительно нанял мой положительный брат».

У Катаева – все верно, все в точности!

В альбом, составленный Алексеем Елисеевичем Крученых, вклеена вырезанная из фотоснимка группа: Олеша с Ильфом, оба в пальто и кепках, держат на коленях большую куклу в платьице и чепчике (см.: Ильф-Петров. Эти двое за 10 лет. (1923-33). Собрал А. Крученых. – РГАЛИ, ф. 1821, оп. 2, ед. хр. 7, л. 7а).

Вверху, над головой Олеша – мелко подписано (вероятно, Крученыхом): *Ю. Олеша*, над малюткой – *кукла*, над головой Ильфа – *И. Ильф. 1924 г.*

Под фотографией подпись Михаила Файнзильберга (чернилами): *Этот Антошка подарен мною Ильфу (брату) в Петрограде. Справа: Мой единственный ребенок. М.*

Карандашная стрелка, проведенная вправо от плеча Ильфа, направлена к его подписи и надписи: *И. Ильф (который громкий смех всего зала), ниже: Это я. И. Ильф.*

Под этим (тем же карандашом): *А я? Евг. Петров*

Под группой, карандашом: *Дитя Катаева / в руках негодяев'а?*

Ниже:

Справка

Малютку звали Андрюшка. В конце концов ее украли. Е П

Почерк моего дядюшки Михаила Файнзильберга, которого называли Миша Рыжий, был довольно причудливым. Поэтому, не разобрав, Петров пишет *Андрюшка* вместо *Антошка*.

Почему Ильф написал (в скобках): *который громкий смех всего зала?* Потому что на той же странице альбома наклеена газетная вырезка с речью Н.И. Бухарина на совещании рабочих и сельских корреспондентов, где он приводит лозунг из «Двенадцати стульев». В самом низу левого столбца, после цитаты «Дело спасения утопающих есть дело рук самих утопающих», в скобках стоит: *громкий смех всего зала* (см.: Правда, 1928, 2 дек.).

История, изложенная Ароном Эрлихом

«Однажды в весенний день Олеша увидел в раскрытом окошке одного из домов в Мыльниковом переулке девочку с книжкой. Ей было лет одиннадцать-двенадцать, не больше. Она читала с самозабвением, губы ее быстро и беззвучно шевелились.

Олеша шумно восхищался девочкой, фантазировал и пророчествовал о ее будущем. Как зовут ее? Где она учится? Какую книжку она читала с таким упоением?

Вскоре он разузнал все эти подробности и сильно позабавился Андерсену: Валя Грюнзайд (так звали девочку), сидя на открытом подоконнике своего одноэтажного дома, читала знаменитого датского сказочника. Олеше пришла в голову мысль написать увлекательную романтическую сказку и поспорить со своим Андерсеном. И, как всегда, он тут же пустился в самые бурные мечтания. Он уже как будто видел перед собой нарядно изданную книгу в тяжелом золотообрезном переплете, с многочисленными красочными картинками... Он посвятит свое произведение милой девочке, восхитительной, самозабвенной читательнице. Скоро – непременно очень скоро –

он пойдет со своей книжкой к дому ее в Мыльниковом переулке, постучится в окошко и скажет:

– Дорогая девочка, мне хочется, чтобы вы прочитали вот эту сказку. Я написал ее для вас. Ваше имя стоит здесь печатными буквами рядом с моим именем... Видите? «Посвящается Вале Грюнзайд»... Покорнейше прошу вас, примите от меня этот подарок.

Он уверял, что он уже пишет сказку, пишет быстро, главу в день. Сказка будет называться «Три толстяка», а подпишет он ее не просто Ю. Олеша – нет, дети любят только очень почтенных, очень старых авторов, и поэтому на титульном листе для солидности будет сказано «Ю.К. Олеша» – не просто Юрий, а Юрий Карлович.

Все исполнилось у Олешы, как он мечтал. Сказка написана. Называется она так точно, как ему хотелось, – «Три толстяка», и на первой странице рукописи сказано: «Посвящается Вале Грюнзайд».

Много удивительных событий происходит в сказочной стране Трех Толстяков.

Но, увы, рукопись, пропутешествовав из одной редакции в другую, вернулась к своему хозяину и с тех пор похоронена в одном из ящиков письменного стола.

«Посвящается Вале Грюнзайд»!

Но не придет сказочник к маленькому дому в Мыльниковом переулке, держа в руках нарядный том в толстом переплете, украшенном золотом и синью, не постучится он в окошко, не скажет, передавая девочке книгу, заветных слов...

Уходили годы, и много всяких изменений произошло в жизни.
<...>

А к этому времени девочка Валя из Мыльникова переулка стала уже взрослой девушкой, она познакомилась с Евгением Петровым. В тот год была суровая зима. Они часто ходили в театр и в ночную пору, когда мороз еще усиливался, неторопливо возвращались в Мыльников переулок. Несмотря на ужасный холод, они старались продлить прогулку. Кончилось это тем, что к весне они поженились.

После фантастического успеха новой повести Юрия Олешы «Зависть», вышедшей в свет в 1928 году, «Три толстяка» были снова извлечены из ящика письменного стола. Теперь они

не вызвали сомнений и были оценены по достоинству. Вскоре и эту сказку выпустили в свет. Отпечатанная на особо дорогой, плотной, матовой с желтизной бумаге, с многочисленными красочными рисунками Добужинского на отдельно вклеенных листах, укрытая под тяжелым и ярко разрисованным переплетом, – сказка образовала собой довольно толстый том... Такой точно, как мечтал автор!

Но девочки, для которой предназначена была сказка, уже не было, – она выросла, она вышла замуж».

Арон Исаевич Эрлих о кукле не пишет. Однако несмотря на отсутствие куклы и благодаря одному только существованию «девочки Вали», у Олеси могла зародиться мысль сразиться с Андерсеном.

В 1924 году Валентине было не 11-12, а 14 лет. Иллюстрации Добужинского печатались не «на отдельно вклеенных листах», а были, пользуясь типографским термином, цветными «приклейками» на книжных страницах бумаги верже.

Эрлиху запомнилось, что «первый экземпляр книжки он [Олеша] подарил ей с надписью: *Всегда ваш. Вале!*» В РГАЛИ хранится экземпляр с другими надписями. Дата, поставленная Валентиной Леонтьевной, – 22 декабря 1928 года. Она еще не замужем: подписывается *Грюнзайд*, да и сохранившееся свидетельство о браке говорит о том, что бракосочетание с Евгением Петровичем Катаевым состоялось 1 апреля 1929 г.

В первом издании книги на титульном развороте стоит посвящение – не лаконичное – *Вале Грюнзайд*, как неоднократно повторяет Эрлих, а куда более торжественное: *Посвящается / Валентине Леонтьевне / Грюнзайд*.

На левой стороне разворота прелестная Валечка (все звали ее Валечкой) написала: *Читала утром... / Читала днем... / Читала вечером?!!! / А ночью спала. / Валя Грюнзайчик*. На правой стороне разворота, под посвящением: *22/ХП – 28, но скоро 1929. Книга посвящается / мне, и больше / никому. / В. Грюнзайд*. Наискосок, слева: *Мой любимый / автор – Юрий Олеша / и вообще Добужинский*.

Поверх этого девического вздора роскошным крупным почерком Юрия Карловича написано: *ВСЕ / КОНЧЕНО (?) / ОЛЕША / 1933 г.*

Рассказ Сергея Токаревича

«...В свои шестнадцать лет Валентина Леонтьевна, тогда еще просто Валечка Грюнзайд, была неподражаемо хороша. Хрупкая фигурка, трогательно тонкая шейка и овал лица с полотна старого французского мастера, освещенный светлыми глазами с несколько асимметричным прищуром. Да, она уже следила за собой и умела подчеркнуть свои природные достоинства. Но что бы она ни делала, все у нее выходило как-то по-своему, и во всем ее облике была неповторимая девичья прелесть неяркой пастельной индивидуальности.

Валечка также жила на Чистых прудах, но честь ее открытия принадлежала Юрию Карловичу Олеше. Он подолгу дежурил под окнами Грюнзайдов, прежде чем познакомился с пленившей его девушкой.

Нет, нельзя сказать, чтобы Юрий Карлович был излишне робок в обращении с людьми. Просто этого требовали правила высокой романтики. А когда эти железные правила позволили ему, наконец, познакомиться, он привел Валечку к Катаевым, строго-настрого наказав никому в нее не влюбляться. И, конечно же, вся мужская половина катаевского окружения, не медля ни минуты, в нее влюбилась. Тогда-то, возможно, в качестве контрмеры, Юрий Карлович торжественно и обещал посвятить Валечке свою первую книгу.

В те годы цвели домашние вечеринки с непременно танцами под патефон и скромным застольем. Вина, как правило, не хватало, а у молодежи считалось «шикарным» чувствовать себя пьяной и тем афишировать. Когда у Катаевых не было денег, а это случалось не так уж редко, Валентин Петрович, с хитрой и какой-то даже плотоядной улыбкой, выдвигал из-под кровати белую, плетеную из ивняка корзинку, с черным железным прутиком-засовом. Вынимал оттуда пачку рукописей, близоруко покопавшись в них, отбирал очередной рассказ и нес его в одну из московских редакций. Домашние говорили, что из Одессы он привез эту провинциальную корзинку полной стихов и рассказов, которые до того не решался публиковать.

Валечка была в этой компании самой молодой и вела себя во всех отношениях скромно. Как-то на одной из вечеринок, усаживаясь за столом, мужчины дружно согласились обязательно сегодня «надраться».

– Ох, и надеремся! – воскликнул хозяин дома, откупоривая бутылку Абрау-Дюрсо.

И тогда раздался негромкий голос Валечки:

– Я тоже хочу надереться...

Так, «надеревшись» в меру сил и скромных возможностей, заводили патефон и танцевали под излюбленные «Рио-Риту», «Валенсию» или «Брызги шампанского».

Лучше, легче и грациозней всех танцевала Валечка. Все рвались танцевать с ней. На всех Юрий Карлович смотрел исподлобья. Но никто почему-то не заметил, как за Валечкой ухаживал Евгений Петрович. Поэтому, когда она вдруг вышла за него замуж, это было ошеломляющей неожиданностью. <...>

Неожиданностью было и то, что Юрий Карлович сдержал, казалось, не всерьез данное слово: первое и самое поэтичное свое произведение – «Три толстяка» – он посвятил Валечке. <...>

А чета Петровых поселилась в маленькой комнатке нового дома в Троилинском переулке, на Арбате. И, как это обычно бывает, их юное счастье на некоторое время отдалило молодоженов от прежнего круга друзей».

Свидетельство Виктора Ардова

«Брак их состоялся на моей памяти. Помнится, Валентина Леонтьевна, выходя замуж в 1928 [1929] году, была еще очень молода, и пришлось, кажется, обмануть регистраторшу в загсе, прибавив невесте возраст. Петров оказался превосходным семьянином, и брак вообще был крайне удачным. Здесь тоже сказались принципиальная чистота Евгения Петровича. В конце двадцатых годов еще существовали остатки богемных анархических нравов в литературной среде. Петров часто с насмешкой или негодованием говорил о разводах и супружеских изменах, которые возникали в то время».

Под фотографией Валентины Леонтьевны Грюнзайд в альбоме А.Е. Крученых Олеша написал: *Нужно помнить также, что В.Л. Катаевой-Петровой-Грюнзайд был посвящен (вернее написан для нее, когда она была дитя) роман «Три толстяка». Ю. Олеша. 1933 г.*

А в альманахе «Чукоккала» К.И. Чуковского под записью Евг. Петрова от 1 декабря 1929 г. Олеша сделал примечание: *Евгений Петров <...> умалчивает, что его жене Валентине, когда она была тринадцатилетней девочкой, был посвящен роман «Три толстяка». Она выросла и вышла замуж за другого.*

В заключение – воспоминание писателя Александра Нилина, дружившего в юные годы с сыновьями Евгения Петрова – Петром и Ильей Катаевыми (Александр Нилин. Линия Модильяни. – Знамя, 2010, № 6):

«Валентина Леонтьевна не любила Олешу никаким – ни молодым, знаменитым и богатым, ни старым, впавшим в нищету и безвестность. А если Юрий Карлович приходил к Валентине Леонтьевне выпивши, она велела детям гнать его прочь. Жили они в одном доме. <...>

Я вот только сию минуту сообразил, что застал продолжение романа, который, будь он переложен (Юрием Карловичем, само собой) на бумагу, смог составить бы конкуренцию «Мастеру и Маргарите».

Ни в чем себе не изменивший Кавалеров продолжал любить Валу – Валентину Леонтьевну, не желая замечать, что «ветвь» давно превратилась в лучшую на свете маму. Валентину Леонтьевну на моей памяти никогда ничего не интересовало, кроме Ильюшиных и Петиних дел (оба сына, никого поначалу не поражая способностями, выросли известными людьми, оба стали лауреатами Государственной премии), здоровья детей, ее внучки и внука. Внука в честь дедушки называли Женей...»

Из интервью А. Щуплова с Екатериной Ильиничной Катаевой, внучкой Евгения Петрова и Валентины Грюнзайд

«Говорят, что у Евгения Петрова была в жизни жутко романтическая история, связанная с вашей бабушкой...»

– И виной тому – Юрий Карлович Олеша. В старой Москве жила девочка Валя Грюнзайд, из очень хорошей семьи: ее отец был поставщиком чая его императорского двора. Можете представить,

какое воспитание было у девочки. У нее всегда были бонны, домработницы. Она была очень избалованным ребенком, и в нее был влюблен Юрий Олеша. Девочка Валя очень часто выглядывала в окно, и Юрий Карлович, проходя мимо и видя ее, говорил друзьям: «Я рашу себе невесту!». А чтобы девочке Вале не было скучно, он написал для нее сказку. Догадываетесь, какую? «Три толстяка». Первый экземпляр книжки он подарил ей с надписью: «Всегда ваш. Вале!» Бабушка нередко рассказывала мне эту историю. В ней фигурировала кукла, которую ей привез ее отец, впоследствии, в революционные времена, репрессированный. Эта большая говорящая кукла сидела у Вали на окне. Именно о ней написал в своей сказке Олеша.

В один прекрасный день Юрий Олеша провел своего друга Жечку Катаева мимо окна и показал ему девушку Валю... Любовь у дедушки и бабушки была умопомрачительная. Они очень быстро поженились, и уже в 1930 году у них родился старший сын.

Я не понимала никогда одного: в книжке девочку-героиню зовут Суок, и мы знаем, что одна из сестер Суок стала женой Юрия Олеша. Но со слов бабушки, папы и дяди получалось так, что книжка была посвящена Вале Грюнзайд, моей бабушке. Почему же героиня носит имя Суок?»

«Российская газета» от 14 декабря 2002 г.

Ну, в этом рассказе имеется все что нужно: мифы, легенды и прочее, столь любимое журналистами. Не стану входить в подробности. Но слишком много кукол! Значит, не Валечка увидела куклу в катаевском окне, а Олеша увидел куклу, сидящую на Валечкином окне? Я не утверждаю, что Олеша, создавая «Трех толстяков», вдохновлялся той самой куклой, которую они с Ильфом держат на коленях. Вполне вероятно, что говорящая кукла, подаренная Валечке отцом, и воодушевила писателя-романтика.

Нужно сказать, что куклы всегда волновали Олешу. Осталась в его памяти кукла из одесского детства:

«...Мы увидели куклу, которая чуть выйдя из раскрытой и поставленной торчком коробки, так и остановилась в позе шагнувшей. <...> Это была обыкновенная кукла, правда – из дорогих, все же обыкновенная кукла с широко раскрытыми голубыми глазами, с несколько разведенными руками, с льняными локонами».

В середине 1930-х на горизонте возникает еще одна кукла, о которой вспоминает Елена Левина, дочь писателя Бориса Михайловича Левина, друга Ильфа и Петрова (все они вместе жили на князьминской даче, а девочке Елке было лет пять-шесть):

«Петькина мама [*Петя – старший сын Петровых*] Валентина Леонтьевна (так мы ее звали) – Валечка Петрова – была очень молоденькая и хорошенькая, с пепельными волнистыми волосами. Ее обожал Юрий Карлович Олеша, все это знали, и мы тоже. ...Олеша подарил ей куклу, очень большую, с закрывающимися глазами, нарядную. Кукла сидела в углу на стуле и была отделена толстым шнурком или канатом, как музейная реликвия, чтобы мы ее не касались. Книжка «Три толстяка» была посвящена Валентине Леонтьевне, но почему-то в современных изданиях это не указывается».

Катю, Екатерину Ильиничну Катаеву, удивляет, почему книга посвящена ее бабушке, Валентине Леонтьевне Грюнзайд, а героиню зовут Суок?

Отвечаю: Роман «Двенадцать стульев» посвящен Валентину Петровичу Катаеву, а героя зовут Остап Бендер.

Это шутка. Тем не менее в суперлитературоведческом предисловии к книге воспоминаний Юрия Карловича упоминается «вдова Олеша Ольга Густавовна Суок, которой был посвящен роман для детей о толстяках и маленькой девочке из цирка». И на старуху бывает проруха, как заметила однажды подруга детства Бендера, польская красавица Инга Зайонц.

Москва

